

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ
БУЛЬВАР РЯДОМ
С УЛИЦЕЙ ГОГОЛЯ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Содержит
нецензурную
брань

18+

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ

**БУЛЬВАР РЯДОМ
С УЛИЦЕЙ ГОГОЛЯ**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Москва • 2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
К 19

Канабеев Г.

К 19 Бульвар рядом с улицей Гоголя : [рассказы]. — М. : ИД «Городец», 2021. — 288 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

В своих рассказах Герман Канабеев описывает Россию как страну, населенную ментами и колдунами, буддистами и алкоголиками, коучами и порноактрисами. Страну, в которой грусть, радость, одиночество и близость — одни и те же, что на заброшенном полустанке, что на просторах рунета. Любой читатель знает эту Россию. И узнавая ее на каждой странице, будет смеяться сквозь слезы.

ISBN 978-5-907220-90-4

© Г. Канабеев, 2021
© ИД «Городец», 2021
© П. Лосев, оформление, 2021

Облако

— Деда, почему наша станция называется Облако? — спрашивал я у деда и бежал за ним по шпалам.

Дед шел впереди в ярко-оранжевом жилете поверх телогрейки. Мне не хватало полного шага, чтобы идти точно по шпалам. Первый попадает, а следующий уже мимо. Это жутко раздражало. Я не мог понять, зачем шпалы кладут так, что каждый второй шаг мимо. Либо приходится семенить, как дурак, либо прыгать.

Деду, наоборот, было удобно. Он шел размашисто и попадал точно через одну, не прилагая усилий. Он походил на медведя. Огромный и могучий.

— Зимой расскажу, — отвечал дед.

— Почему зимой?

— Так понятнее будет, — говорил дед, не оборачиваясь на меня, и добавлял: — Хватит болтать. Послушай, как поют провода.

Я останавливался и слушал.

Провода вдоль железнодорожного полотна действительно пели. Звук был странным. Похожий на стон рвущейся гитарной струны.

— Деда, о чем поют провода?

— О многом, — отвечал дед, — о расставании, о встрече, о любви, о ненависти — обо всем, что чувствуют люди, едущие в поездах.

Когда песня проводов становилась громче и казалась тревожной, дед брал меня за руку и стаскивал с полотна.

Мы отходили на несколько метров, и я ждал удара ветром от поезда. Мне казалось, что в этот момент я перемещаюсь в другой мир. В такой мир, где есть только ветер, оглушающий свист состава, грохот колесных пар и все, что чувствуют люди. Только без самих людей. Словно в поезде и нет людей. Только их чувства, которые им уже не принадлежат.

Дед всю жизнь проработал на железной дороге. На станции Облако. Дежурным стрелочного поста. Если кто-то называл его стрелочником, это могло стать причиной серьезной драки. Дед ненавидел это слово.

Метрах в двадцати от платформы находилась наша деревня на десять домов. Все, кто жил в Облаке, работали на станции.

Мы с дедом были вдвоем. Я не помнил матери и отца. Всегда был только дед. Он и я.

Два раза в день он брал меня с собой. Мы шли к стрелочному посту. Слушали песни проводов. После стрелочного перевода дед вел меня к заброшенному железнодорожному полотну, находившемуся чуть в стороне.

Мне не нравилась эта дорога. Рельсы здесь были ржавыми. Они не блестели так, как на той, по которой несутся поезда. Здесь не было проводов, а значит, не было их песен. Половина шпал отсутствовала, и полотно походило на старческий беззубый рот. С одной стороны — той, что ближе к лесу — рельсы обрывались.

Здесь тоже был стрелочный пост. Через него можно было перевести поезд на рабочие пути или туда, где рельсы обрывались. Каждый раз дед проверял работоспособность механизма. Если что-то было не так, он говорил мне оставаться на месте, а сам шел домой за солидолом.

Он тщательно смазывал каждый болтик. Проверял, работает ли, и, довольный, смотрел туда, где обрываются рельсы. Потом в другую сторону, словно ждал поезда.

— Дед, зачем ты следишь за этим постом? — спрашивал я. — Здесь же все равно не ходят поезда.

— Не ходят, — отвечал дед, — но последний поезд пройдет именно здесь.

— Что за последний поезд? Расскажи!

— Мой отец, твой прадед, рассказывал, что по этой дороге пойдет последний поезд. Поэтому стрелочный

пост нужно держать исправным. Вовремя сделать перевод, чтобы поезд ушел туда, где кончаются рельсы.

— Почему он последний, поезд этот?

— Потому что на нем можно доехать до счастья, — отвечал дед.

— Счастье — это станция такая?

— Да, наверное, станция, — дед улыбался и гладил меня по голове. — От Облака до Счастья, думаю, пару дней пути.

Дед умер, когда мне исполнилось десять лет. Из города приехала немолодая дряблая женщина с уставшими глазами. Сказала, что она — моя тетка, и забрала в город.

Через двадцать лет в январе, сразу после новогодних праздников, я вернулся на станцию Облако. Зима была крепкой, снежной и скрипучей. Как только вышел из поезда, понял, почему станция называется «Облако». Сопки, между которыми спряталась деревня, засыпало снегом, и казалось, будто это кучевые облака.

С собой из города я захватил солидол. Домой к деду заходить не стал. Да и не был уверен, что дом еще стоит. Мне было нужно на стрелочный пост.

Я шел по путям. Теперь моего шага хватало, чтобы спокойно идти через одну шпалу. Наверное, я уродился в деда. Может, со стороны теперь тоже похож на медведя?

Я дошел до старого полотна и нашел стрелочный пост.

Рычаги не поддавались. Я долго мучился с ними, пока не услышал песню проводов над головой. Это было странно. Над старыми путями не было высоковольтной линии. Песня становилась звонче, и я почувствовал легкий ветерок вдоль путей. Такой бывает, когда состав подходит к станции. Я почувствовал, как задрожали рельсы.

Что было сил навалился на рычаг и перевел стрелку с рабочих путей на те, что обрываются ближе к лесу.

Поезд несся с невероятной скоростью. Я еле успел соскочить с его пути. Когда он пролетал мимо меня, время словно замедлилось и в окне одного из вагонов я увидел деда. Он смотрел на меня и улыбался. Я крикнул что было сил:

— Дед, ты счастлив?

— От Облака до Счастья два дня пути, — услышал я в ответ.

Поезд ухнул в лес, оглушив меня пронзительным свистом, и исчез.

Холмгород

Лучший друг мертвецов

Этот город маленький. Сорок минут в поперечнике от Слободы до Пивзавода. В центре городской парк. В парке сгорела церковь. Давно. Стоит без куполов, на стенах мокрая зелень из плесени и грибка. Рядом с церковью тир и танцевальная площадка.

Через весь город прямая, словно туго натянутая веревка, улица Ленина. Слобода — крайняя точка города, дальше граница с Монголией и город Алтанбулаг. В детстве я любил взобраться на сопку и смотреть в сторону этого города. Он иногда проглядывал сквозь облако песка и пыли над монгольской степью. Я представлял живущих там монголов. Свободных, неистовых кочевников, где каждый Чингисхан. Ну или Мамай, на худой конец. В девяностые увидел их на городском рынке. Продавали китайские пуховики, и ни одного Мамайя среди них не разглядел, тем более Чингисхана.

На другом конце города пивоваренный завод, почивший вместе с Советским Союзом, но успевший оставить после себя название района и маленький ла-рек с красным по желтому баннером — «пиво». После Пивзавода много леса. Очень много леса, где по осени полгорода охотится на маслята и рыжики. Других грибов здесь не признают, смело записывая опята и лисички в поганки. Бывает, попадаются толерантные грибники, дающие шанс груздям и подберезовикам, но таких слабохарактерных мало.

В этом городе до сих пор хоронят всем миром. Открывают ворота во двор дома. Рядом с воротами ставят крышку гроба. Приезжает натуральный грузовик. Борты откидывают. Застилают кузов коврами. Ставят стулья, на них гроб с покойником. По бокам скамейки с родственниками. Грузовик едет очень медленно. Процессия движется пешком через весь город к кладбищу. Впереди грузовика все, кто знал покойника. С венками. Кто-то несет портрет. Сзади оркестр. Ну как оркестр, пара мятых труб, большой круглый барабан. Играют похоронный марш.

В городе нет семей, где еще никого не хоронили, поэтому все знают Володю. Володя сошел с ума в двадцать пять лет. Из-за того, что умерла Зина. Володя статный и кудрявый, как каракулевая шапка. Работал в лесничестве. Зина из-за эпилепсии работать не могла. «Падучая она у меня», — говорил о Зине Володя.

Однажды Зина упала в припадке, ударилась головой и умерла. Володя потерялся. Найти его можно было на кладбище. Там он прожил с марта до ноября. Пока совсем не подморозило. Питался тем, что оставляют родственники на могилах, спал в оградке у Зины. Вместо подушки могильный холмик, телогрейка под себя, овчинный тулуп сверху. Вытащить Володю с кладбища оказалось невозможно. Он с удовольствием принимал водку и еду. Но угрожал зарезать, если кто-то пытался забрать его с кладбища. У милиции получилось один раз. Отвезли в больницу, но Володя покусал врача и снова убежал на кладбище. Милиция решила: «Да и хер с тобой».

Когда я в первый раз увидел Володю, прошло уже много лет после Зины. Все, что произошло с Володей, я узнал от бабушки, потому что Володино кладбище и Зина были до моего рождения. Земное притяжение лишило Володю статности и скрючило наподобие вопросительного знака. Как и раньше, кудрявый. Правда, кудри стали грязно-серого цвета, как талый снег по весне. Зимой и летом в валенках и старой драной телогрейке. Очень громко говорит. Постоянно смеется и как-то странно заикается. Не к-к-к-к-к, а ыыууууууу на гласных.

Детьми мы над ним смеялись. Стреляли в него из рогатки. Володя смешно бегал за нами и кричал:

«Ыыыуууу убьююыууу сыыыууууки». Но мы знали, что он пробежит за нами не больше десяти секунд. Потом встанет, возьмется за голову и забудет, куда бежал.

На самом деле мы боялись Володи. Из-за мертвецов и собак. Его так и звали в городе — лучший друг мертвецов и собак. Собак не так давно стали уничтожать в городах, да и то исключительно в больших и разрастающихся. В маленьких и умирающих собаки по-прежнему составляют тридцать процентов населения. Еще тридцать — кошки и воробьи. Все бродячие собаки города любили Володю. Когда он бродил в поисках бутылок, за ним всегда следовала приличная стая бродячих псов. Всех мастей. Некоторые очень похожи на Володю — скрюченные и кудрявые. Может, оттого, что он умел разговаривать на их языке из-за этого своего — ыыыууу.

Раньше в маленьких городах была жуткая традиция — фотографировать похороны. Страшнейшее из искусств. Фотографировали процессию, гроб, покойника, могилу. В том городе на многих фотографиях был Володя. Вот он вместе с родственниками опускает на веревках гроб. Вот он на поминках. Вот он несет вместо венка лохматую еловую лапу. На похороны Володя ходил с такой же аккуратностью, как в Москве ходят на работу в офис. На все похороны. Всех людей в городе. Если вы встретили на улице Володю, за которым повизгивает

и машет куцыми хвостами свора бродячих собак — значит, кто-то в Холмгороде умер.

Прогонять, как известно, с похорон и поминок нельзя. Любой человек может зайти и помянуть. Володя и ходил. Каждый день был сыт и пьян. Если бы он посещал только мероприятия по случаю рождения — очень скоро умер бы от голода. Умирать в Холмгороде привыкли ежедневно, а рождаться больше по праздникам или случайно. Поэтому за Володю можно было не беспокоиться. Он питался на поминках, забирал объедки для своих собак, но и помогал родственникам покойника. Там, где родственников оказывалось мало, Володя оказывался настоящим спасителем. Погрузить из морга. Опустить в могилу. Землей присыпать.

Я стал взрослым. Володя постарел. Сумасшествия в нем осталось мало, а глаза стали такими, что в них не хочется смотреть. От постоянного вида смерти в них накопилось слишком много жизни. Смотреть в такие глаза невыносимо, особенно, когда знаешь, откуда взялась эта глубина.

Володя знал все ключевые даты: девять дней, сорок дней, полгода, год. Он помнил все похороны и каждого покойника. Часто родственники злились на него. За то, что приходит. Ест руками, пьет ведрами, говорить нормально не может, только — ыыыуууу.

А потом Володя умер.

Упал на улице и умер. Первый же прохожий узнал Володю и остановил на дороге машину.

— Володя умер, — сказал прохожий водителю.

— Как это умер? — удивился водитель и сразу понял, о каком Володе речь.

Водитель выскочил из машины, погрузил Володю и отвез в морг.

— Мне их уже класть некуда, — разозлился на водителя дежурный врач.

— Это Володя, — спокойно сказал водитель.

Володю пустили. Скоро к моргу стали приходить люди и собаки. Начальник местной милиции купил Володе дорожный гроб. Самый дорогой из всех, что были. Начальник кладбища выделил под могилу лучшее место. На холмике.

— Для себя берег, — признался кладбищенский начальник.

Директор Дома культуры отправил на похороны полноценный оркестр, из воинской части приехал грузовик.

Это были самые шикарные похороны в истории города. Процессия тянулась через всю улицу Ленина. Чуть ли не от Пивзавода до Слободы. Замыкали шествие бродячие собаки. Город плакал, а Володя лежал в гробу, и казалось — улыбается. Хоронить на холмике не стали. Закопали рядом с Зиной.

Ночью на кладбище выли собаки, а перепуганный кладбищенский сторож уверял наутро, что слышал смех и длинное «ыыыыыыууууууу».

Не поверили. Не стал бы шуметь на кладбище лучший друг мертвецов.

Мотылек

Вряд ли в Холмгороде есть хоть один человек, понимающий, почему Холмгород зовется городом. Город — это что-то шумящее, большое и бессмысленное. В Холмгороде, казалось, даже машины передвигаются бесшумно, боясь нарушить покой его жителей. Та его часть, что могла называться городом — школы, детские сады, мэрия, Дом культуры, спортивная школа, краеведческий музей, городской парк, — все это словно кто-то сначала скомкал в руках, а затем бросил между двумя холмами. И оно как-то там рассыпалось, улеглось, притерлось, вросло в землю и теперь существует. Остальная часть Холмгорода — настоящая и живая — ютилась на этих двух холмах в деревенских домах. В большинстве старые и уставшие, они медленно сползают вниз и скоро повалятся туда, к городу, будто детские кубики.

В Холмгороде ходит легенда, что когда-то здесь была чуть ли не судоходная река, а потом куда-то де-

лась. Сейчас здесь есть речка Грязнуха. Грязный мутный ручеек на дне оврага, но ручеек начинался за городом и исчезал тоже за пределами города, поэтому до сих пор носил гордое имя — речка. Называть Грязнуху рекой все же никто не осмеливался. Тех, кто жил на другом берегу Грязнухи, называли зареченскими, а сам район «за речкой». За речкой толпились самые старые дома в городе. За речкой жил Мотылек.

В основном соседи не любили Мотылька. Для людей естественно не любить то, чего они боятся, или то, чего не понимают. Мотылька и понять невозможно, и для того чтобы бояться, вполне хватало оснований.

Мотыльком назвал его я. Для себя. Большинство соседей или прохожих, встречающих Мотылька, называли его дебилом или дураком.

Чем он болел и зачем ловил в воздухе руками только ему видимых существ, не знаю. Мне почему-то представлялось, что ловил он мотыльков. Не может человек, выглядящий на все сорок, но остановившийся в развитии на уровне пяти лет, ловить в воздухе что-то некрасивое или плохое. А мотыльки ведь красивые и неплохие? Они почти бабочки, которые от горя потеряли весь цвет.

Он всегда гулял с мамой. Усохшая, худенькая старушка с глубокими бороздами морщин и глазами, в которых, если присмотреться, можно увидеть саму

сущность жизни, прожитой в вечной борьбе за выживание, и не всегда свое выживание.

Мотылек агрессивен, насколько может быть агрессивным шестилетний ребенок. Вот с дерева полетел осенний листок, и он сломя голову бежит за ним, не замечая никого вокруг. Прохожие видят только сорокалетнего бородатого мужика, который, дико вращая глазами, несется по тротуару, кричит от восторга и пытается поймать листок. Старушка извиняется за него, берет за руку, но каждые десять метров мир снова преподносит Мотыльку что-то удивительное и необычное: лужа на асфальте, сработавшая сигнализация у припаркованной машины, человек в слишком яркой одежде или мотыльки, никому не видимые мотыльки.

Из года в год я наблюдал, как старушка становится тоньше и невесомее, как ее все больше сгибает реальность. И даже Грязнуха стала для нее непрым препятствием, если нужно было попасть в другую часть Холмгорода. Если я встречался с ней глазами, в них читалось одно: «Что с ним будет, когда я умру?»

На моей памяти только один раз Грязнуха напомнила жителям Холмгорода, что она река. В тот год была необычайно снежная зима, а весна прогнала холод за неделю. Грязнуха проснулась и забурлила, жадно глотая тающий снег. В некоторых местах Грязнуха поднялась так, что взрослому человеку была по горло. Той вес-

ной умерла мать Мотылька. Возле Грязнухи. Пыталась перейти речку по бревнам, что набросали мужики для переправы. Быстро умерла. Охнула, схватилась за сердце и села на землю.

Я был там в тот день. Видел участкового, машину скорой помощи и дремлющего головой на руле водителя. Еще я заметил маленькие, почти детские ноги, в смешных стоптанных черных тапочках, торчавшие из-под простыни на носилках, и понял, что мама Мотылька умерла. Мотылек стоял на коленях в луже растаившего снега, смеялся и махал в воздухе руками.

Наверное, даже хорошо, что он никогда не поймет, что произошло. А может, я просто утешаю себя мыслью, что он ничего не понял. Потому что как только я начинаю об этом думать, мне сразу хочется замахать руками и отогнать назойливых мотыльков.

Ночь в Холмгороде

Никто не видел закатов или рассветов в Холмгороде. Здесь ночь наступает мгновенно. Словно в комнате выключили свет. Поэтому фонари вдоль улицы Ленина включают за час до того, как ночь обвалится на город. Если смотреть с одного из двух холмов, кажется, будто внизу не подсвеченная фонарями улица, а оранжевая,

даже апельсинового цвета, река. Я для себя решил, что это ночное воплощение речки Грязнухи.

Несмотря на вялое течение жизни, со стороны больше похожее на медленную смерть от старости, однажды Холмгород вздрогнул. Площадь Ленина, куда впадает и откуда вытекает улица Ленина, наполнилась людьми. Кто-то даже принес красный флаг с серпом и молотом, где черным кто-то написал «Не трогайте наш свет». Людей было много. Они стояли молча. Только этот флаг развевался на ветру.

Мэр Холмгорода по прозвищу Сторож вышел на крыльцо здания мэрии и молча смотрел на толпу. Толпа молча смотрела на Сторожа. Это был самый неистовый митинг, который я когда-либо видел. В нем было столько силы и страсти, что, казалось, если вопрос не решится, завтра начнется революция. На площади было так тихо, что можно было услышать, как ветер щелкает на кончиках крыльев ласточек, низко закладывающих виражи из-за близости дождя.

Сторожем мэра прозвали потому, что, как только на Холмгород падала ночь, он отправлялся сторожить городское кладбище. Только там можно было попасть к мэру на прием и только ночью. Днем он отсыпался у себя в кабинете в мэрии. К Сторожу мало кто любил ходить. Мэр не только сторожил кладбище по ночам, но и копал могилы для тех, кого принесут сюда завтра.

Просителям приходилось брать лопату и помогать. Такой труд оставляет в голове мало места для вопросов, и в большинстве случаев желающие попасть на прием уходили ни с чем, так и не задав ни одного вопроса.

Появление мэра на митинге значило только одно: молчание толпы было настолько оглушительным, что уснуть у себя в кабинете Сторожу не удалось. Он понял: есть слишком серьезная причина для такого страшного молчания людей на площади. И причина действительно была. Кто-то умный и большой, может быть губернатор, решил заменить в фонарях на улице Ленина старые лампы на энергосберегающие с ядовитым белым светом. И больше не будет ночного воплощения Грязнухи. Не будет по ночам апельсиновой реки. Еще и включаться они будут автоматически, по мере наступления темноты, а у ночи в Холмгороде нет меры: безмерна ночь в Холмгороде и мгновенна.

Люди смотрели на Сторожа, Сторож смотрел на людей. Ласточки. Флаг. Тишина. Помолчали, разошлись.

Ближе к ночи я шел по улице Ленина в сторону Слободы. От Слободы налево, по тропинке вверх, и можно попасть на городское кладбище. Три дня назад похоронили Володю, а завтра будут хоронить маму Мотылька. Мне хотелось помочь Сторожу с могилкой и узнать, правда ли по ночам на кладбище можно услышать Володино ыыыуууу.

Фонари на улице горели заранее. Значит, жители не зря вышли на митинг. Ночь поймала меня уже у Слободы. Было так приятно понимать, что сейчас, если подняться на один из холмов, там, где я иду, будет апельсиновая река. Я люблю ночь в Холмгороде. Люблю отсутствие закатов и рассветов.

Сторож

Раньше в Холмгороде было два кладбища. Но старое пустили под бульдозер, и на его месте построили стадион. Не знаю, что помешало вывезти старинные надгробные камни, но теперь они валялись тут же, недалеко от беговой дорожки, опоясывающей футбольное поле.

Когда я учился в школе, уроки физкультуры в теплое время года проводили здесь, на стадионе. С другом Витькой мы любили улизнуть с беговой дорожки на дальней дуге и спрятаться за сваленные в кучу надгробные камни. Даже в жару среди них было прохладно и сыро. Мы читали имена и фамилии на камнях, покрытых склизким зеленым грибком, пытались посчитать, сколько лет назад родился и умер человек, но настолько далекие года, где вместо привычной девятки после единицы стоит восьмерка, не поддавались исчислению. От этого становилось жутко и холодно.

СОДЕРЖАНИЕ

Облако	5
Холмгород	10
Лучший друг мертвецов	10
Мотылек	16
Ночь в Холмгороде	19
Сторож	22
Монолог на Пивзаводе	26
Актриса	33
Ювелир	37
Поезд	40
Сиреневый ворон	48
Убийца птиц	48
Собиратель красоты	61
Суперагент	68
Бар	77
Дом	89
LoLa	94
Я — любовь	101
Вода	108
Отражение	116

Технополис	123
Невидимое солнце	133
Синдром беспокойных ног	139
Эмма	146
Кузьмич, Лялька и столетняя деревня	217
Предчувствие	217
Никого не осталось	219
Самогон	222
Психолог	223
Молоко и мед	225
Мячик	227
Китаец	229
Дзен	231
Порно	232
Погремуха	234
Пинг-понг	236
Жало	238
Агностики	240
Врач	243
Заранее	245
Пятое через шестое	247
Монпансье	248
Стена	254
Летуны	256
Бульвар рядом с улицей Гоголя	257

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ГЕРМАН КАНАБЕЕВ

«Я буду Будда»

Дебютный роман Германа Канабеева невелик по объему, но в нем, как в волшебном зеркальце, отражается и наша история последних двадцати лет, и образ целого поколения — полным сил и надежд вошедшего в XXI век и завязшего в глухом безвременье эпохи. Более всего главный герой книги жаждет любви — и неумоимо ищет ее.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН

«Покров-17»

Загадочные события, разворачивающиеся в закрытом городе Покров-17 Калужской области в октябре 1993 года, каким-то образом связаны с боями, проходившими здесь в декабре 1941-го. И лично с главным героем романа, столичным писателем и журналистом, которого редакция отправляет в Покров-17 с ответственным заданием.

Новый захватывающий триллер от автора «Калиновой ямы» и «Четверо», финалиста премии «Национальный бестселлер», неподражаемого Александра Пелевина.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ДЕНИС ЕПИФАНЦЕВ

«Участники»

В дебютном романе Дениса Епифанцева стираются границы между участниками секс-вечеринки и научной конференции, развлечения столичной золотой молодежи плавно перетекают в радикальный, до уголовщины, перформанс, а на улицы Москвы выплескиваются возмущенные толпы.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

РОМАН БОГОСЛОВСКИЙ
«Токката и fuga»

Господство над миром и господство над человеческим телом — самые невероятные способы достижения и того и другого составляют главную интригу новой книги Романа Богословского, которая замаскирована под детектив с сексуально-экономическим сюжетом из жизни обычной российской семьи 1990-х.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Герман Канабеев

Бульвар рядом с улицей Гоголя

18+

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редакторы *Анна Гутиева, Аглая Топорова*
Корректор *Антонина Семенова*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 27.11.2020. Формат 84 x 108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, кор. 1
тел.: (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

В своих рассказах Герман Канабеев описывает Россию как страну, населенную ментами и колдунами, буддистами и алкоголиками, коучами и порноактрисами.

Страну, в которой грусть, радость, одиночество и близость — одни и те же, что на заброшенном полустанке, что на просторах рунета. Любой читатель знает эту Россию. И узнавая ее на каждой странице, будет смеяться сквозь слезы.

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦ

ISBN 978-5-907220-90-4

9 785907 220904